

Памяти Яковлева

С Александром Николаевичем Яковлевым я общался всего несколько раз. Точнее говоря, три. Один раз — на собрании по поводу журнала «Магистериум». Была такая странная затея издавать толстый ежегодный фолиант, всякий раз посвященный какой-то глобальной проблеме. Помню, меня насмешила фраза в рекламном буклете: «журнал будет доставляться непосредственно главам государств и правительствам». Ишь ты — прямо непосредственно! Но, во-первых, бывают и более экзотические затеи. А во-вторых, сам Александр Николаевич имел к этому отношению весьма косвенное — инициаторы искали его поддержки.

Он был дружелюбен и внимателен. Я опоздал немного, и поэтому он усадил меня в пустующее кресло рядом с собой, протянув руку и сказав «Привет!» — будто мы десяток лет знакомы.

Второй раз это было на первом торжественном вручении юридической премии «Фемида». Поскольку Валерий Руднев, председатель Московского Клуба юристов, был и остается моим хорошим другом, мы с женой сидели на чрезвычайно почетных местах. Подошел Александр Николаевич. На этот раз он сказал «Ох ты! — (узнал, наверное?) — Привет!» — и уселся рядом. Ни о чем особенном мы не говорили.

Но это уже было довольно давно.

Третий раз был несколько месяцев назад. Мне кажется, что просто вчера. Был долгий разговор о судьбе исторического многотомника, издаваемого Яковлевым. Это бесценное издание, которое извлекло из спецхранов на свет исследования тысячи документов нашей очень неудобной истории.

История вообще неудобная вещь. Даже когда идеально сшита по фигуре очередного лидера, в известной дизайнерской фирме «Дуче и Путана». Потому что швы все равно виднеются, как ни заглаживай. Обманчивый афоризм: «Кто владеет настоящим, владеет прошлым; кто владеет прошлым, владеет будущим».

Но прошлое — это не пакет акций, не кусок земли и не женщина-рабыня. Прошлым не надо насильно овладевать, покупать или соблазнять золотыми горами и реками, полными вина. Прошлое нужно постоянно изучать — поскольку узнать окончательно, до дынышка доскести и стеночки хлебушком оттереть — все равно не получится. Изучая прошлое спокойно и без оглядок на теперешнюю конъюнктуру, и в будущем придется без нервических озираний: «Ну, кто тут с нами, кто против нас?»

Хотя история, которая льется на нас со страниц яковлевского многотомника, радости не прибавляет. Особенно тем гражданам, которые любят британско-нацистский лозунг «My country, right or wrong». Факты, другими словами, — ничто. А родина — всё.

Яковлеву это не нравилось. Он хотел, чтобы люди научились любить свою страну, при этом зная подробности ее жизни.

Яковлев был прав, потому что только такое знание прививает иммунитет к внезапным разочарованиям и крайностям обоего рода — к слепой любви и хриплой ненависти.

Но вернемся к этой последней встрече. Она была немного иной, чем первая. Ситуация переменилась. Потому что если в первый мой визит я был свидетелем того, как у Яковлева искали поддержки, то теперь все было наоборот. Это он искал способы и средства завершить это издание. Оставалось почти два десятка томов, полностью подготовленных к печати. Не знаю, как теперь сложится судьба этого издания. Надеюсь, что оно будет завершено и даже продолжено. Надеюсь, что умные и ответственные люди найдутся.

Это не пустые надежды, потому что тогда в словах Яковлева не было растерянности и неуверенности. Он переживал проблему как трудность, которую надлежит преодолеть. Бодрый и деятельный взгляд на вещи остается и после смерти, помогает тем, кто остался продолжать дело.

Фото Дмитрия Борко

Я не пишу о том Яковлеве, о котором пишут все. Война, партийная карьера, посольская ссылка в Канаду, возвращение, Политбюро, идеологическое руководство перестройкой, и, наконец, работа по реабилитации незаконно репрессированных — должность, которую многие тоже считали ссылкой. Хотя именно на этой должности Яковлев смог сделать эту драгоценную серию коричневых томов запрещенной истории.

Я же фамилию Яковлев впервые прочитал в «Литературке». Там 15 ноября 1972 года была напечатана двухполосная, вполне установочно-разгромная статья под названием, исполненным старой партийной стилистики: «Против антиисторизма». Статья, отчасти — а может, и в большой мере, — похожая на статью Александра Дементьева «О традициях и народности» в «Новом мире» (1969, №4). Кто сейчас помнит полемику тридцатилетней давности? Меж тем она была чрезвычайно запутана и отчасти судьбоносна. Судите сами: две партии явственно откристаллизовались тогда в русской литературе, да и во власти тоже.

Коммунистическая — и «русская» (нарочно беру в кавычки).

«Русская» — не наследница великой литературы прошлого или, к примеру, традиций Империи после 17 октября 1905 года. Зачем такие сложности? «Русская» — это чтобы без инородцев. Но случилось все как раз в недалеком преддверии брежневской конституции, провозглашавшей создание новой исторической общности — советского народа. Ясно, что верхушке партии нехоти были все националистические фокусы, и русские в том числе.

Александр Николаевич Яковлев: Каждый, кто знает, что такое покаяние, меня поймёт

Несколько лет назад, когда фонд «Демократия» начал издание документов, раскрывавших скрытую ранее в спецхранах правду о советской истории, Александр Николаевич, возглавивший этот фонд, дал интервью нашему журналу. В нем он, в частности, говорил:

«Я причастен к тому, что происходило в стране: я живой свидетель «страшных дней России». Для меня они начинаются не с Отечественной войны, которую я встретил 18-летним красноармейцем, а еще раньше — с воспоминаний об отцовском единоличном хозяйстве, с раскулачивания и коллективизации. И хотя мне за мою уже долгую жизнь выпала редкая удача — я никогда и никого, кроме самого себя, не предавал — каждый, кто знает, что такое покаяние, меня, не сомневаюсь, поймет.

Но не расставаться с этой темой заставлял другое. За годы, прошедшие с начала перестройки, я убедился, что едва ли не главная причина всех бед моей страны коренится в нашем сознании. За десятилетия XX века, если не погрузиться совсем уж в стародавние времена, большевистский режим воспитал поколения ни в чем не сомневающих людей.

Однако ситуация осложнялась тем, что к «русской партии» тянулись мастера так называемой «деревенской прозы» — грубо говоря, самые хорошие писатели. А также весьма талантливые критики. Позволю себе банальность — свежие и живые побеги на сухом корневище соцреализма. Яковлев оказался меж двух чудовищ, между Сциллой идеологии и Харибдой художественности. Он точно знал, что торжество национализма в итоге прикончит искусство. Он поступил, как Одиссей, но пожертвовал не гребцами, а собой — кинул в пасть идеологии собственную карьеру и даже, отчасти, репутацию среди интеллигенции. Как-никак, он руководил Агитпропом ЦК КПСС. Душечка Демичев никогда бы себе такого не позволил.

«Зловещая статья, — шептали писатели и литератороведы, и просто читатели хороших книг. — Что-то еще будет...»

Брежнев, а также Сулов с Пономаревым, терпеть не могли погромных ксенофобских настроений. Настоящие коммунисты. Но и ссориться с большой

группой интеллигенции они тоже не хотели. Настоящие политики. Поэтому Александра Николаевича Яковлева принесли в жертву. Сняли с Агитпропа и уехали в Канаду. Однако положений и выводов его статьи никто не отменял — таковы были правила в те времена.

Это был не последний раз, когда Яковлев собою закрывал пробину в нашей утлой идеологической лодчонке. Лично покайся за коммунистическое прошлое, он как бы покался за всех остальных лидеров, обеспечив им нечто вроде морального ком-

Не сомневались в своей правоте, когда раздвигали догола священников, выводили на мороз, обливали водой, дожидались, пока те не превратятся в ледяные статуи, а затем, как водится, допьяна напивались. Не сомневались, отнимая у крестьян последний хлеб и обрекая их на голодную смерть. Не сомневались не только вчерашние крестьяне, насильно превращенные в рабочий класс, но и тысячи, по меткому слову Солженицына, «образованцев», которые в 30-е годы, поверив обвинению их вчерашних кумиров в предательстве и шпионаже, кричали «Распни!». А в конце 40-х — начале 50-х требуя расстрела «безродных космополитов» и «врачей-убийц».

Говоря, что предавал себя, я имею в виду свой тяжкий путь от первых сомнений, они появились на исходе Отечественной войны, и от первых переживаний, вызванных разрушением деревни, зрелищем десятков разрушенных храмов, гнусно используемых под овчарни и склады. Увы, деревенский паренёк, с детства приученный уважать и почитать старших, долго, может быть, слишком долго, пытался верить в «мудрость» партии

и выискивал лукавые оправдания ее деяниям, спасая себя от угрызений совести. Но когда, к сожалению уже на склоне лет, сомнения победили, я принял посильное участие в продвижении моей страны к свободе.

Сегодня миф о построенном на крови «светлом будущем» лопнул. Но разве мы научились сомневаться, понимать происходящее, самостоятельно мыслить и принимать свои решения — за них отвечая?

..Я не раз слышал, что нынешние российские коммунисты уже не похожи на тех, кто входил в «команды» Ленина — Сталина и даже Хрущева — Брежнева, и что все мы, включая реформаторов, «вышли из коммунистической шинели» — других после Октября в стране не было. Да, мол, и вы, господин Яковлев, не один год занимали в партийной иерархии не последнее место... Так что нечего ворошить прошлое, тем более предъявлять за него кому-либо счет. Я не ныне действующим коммунистам предъявляю обвинения, не их призываю судить. Но большевизм как форма власти вечно-тоталитарной партии не должен уйти от ответственности: он должен быть всенародно осужден».

форта. Вытащив на свет божий секретные протоколы к пакту Сталина — Гитлера, Яковлев дал Путину полное право говорить, что Россия уже официально осудила захват Прибалтики Советским Союзом, и сколько же раз можно повторять всем известные вещи...

На рубеже XIX–XX веков было модно считать, что Русь спасется молитвой старца. Значит, можно вести себя очень даже кое-как, ибо праведный старец — где-то там, в далеких скитах, — отмолит все наши грехи. Это, наверное, неправильно. К тому же не вполне ортодоксально. И вообще демобилизует.

Поэтому скажем по-другому:

Сильный и отважный Александр Николаевич Яковлев делал то, что другим не под силу. Тем самым сильно облегчая жизнь стране, демократии и особенно — другим людям, которые тоже хотят свободы и права, но не так сильны и смелы.

К ним принадлежу и я. Поэтому я буду всегда помнить Яковлева.

Денис Драгунский